

Заметки Д.И. Чижевского о Достоевском и Н.Н. Страхове

А. В. ТОИЧКИНА

Тема Достоевского и Страхова в современном достоевковедении, как правило, рассматривается сквозь призму исторически сложных и непростых отношений писателя и философа, особенно ярко выраженных в скандальном письме Страхова Толстому и соответствующих этому письму оценках А.Г. Достоевской¹. При таком подходе Страхов и его наследие оцениваются, как правило, негативно². В результате выпадает целый пласт историко-литературного материала, важного для понимания позитивного значения отношений двух деятелей, важности идей и трудов Страхова для понимания произведений, эволюции Достоевского как писателя и мыслителя.

В этом контексте представляется важным обратиться к работам известного религиозного философа и слависта XX в., Д.И. Чижевского. Основную часть своей жизни ученый прожил в Германии, его работы до сих пор у нас по большей части не переведены и мало известны. Он высоко оценивал деятельность и научное наследие Н.Н. Страхова. Рассматривая отношения Достоевского и Страхова, Чижевский неоднократно отмечал, что Страхов на протяжении ряда лет был для Достоевского “философским информатором” [Чижевский 2007, 302]. Исследователь справедливо писал и о том, что Достоевский и Страхов, несмотря на многие личные несогласия, составляли единый лагерь в идеологической борьбе своего времени, в частности в сражениях с просвещенцами. Для них обоих главный вопрос – вопрос о ценности человеческой личности – был непосредственно связан с вопросом о вере в Бога. Напряженный диалог и общение со Страховым, безусловно, являются одним из важных источников произведений Достоевского³.

Работы Чижевского о Достоевском и Страхове 30–40-х гг. выводят нас к важной, еще не осмысленной в современном достоевковедении, теме значения корпуса сочинений Страхова как источника произведений Достоевского 60–70-х гг. Исследование этой темы позволило бы выявить и новые цитатные отсылки в произведениях писателя, и в целом обозначить важнейшую сторону его творчества: взаимоотношения с русской религиозно-философской мыслью второй половины XIX в., взаимовлияния, притяжения и отталкивания (что как раз нашло свое воплощение в сюжете непростых личных отношений писателя и философа). Эта тема охватывает два важнейших в жизни и творчестве (как Достоевского, так и Страхова) десятилетия, этапы сотрудничества во “Времени” и “Эпохе”, работы над изданием “Гражданина”.

О практической необходимости в обращении к работам Чижевского и дальнейшем исследовании этой темы свидетельствует ситуация с комментариями в собраниях сочинений Достоевского. Так, в реальном комментарии к “Братьям Карамазовым” в 15 томе 30-томного собрания сочинений Достоевского отсылок к работам Страхова нет⁴. Д.И. Чижевский же еще в 30-е гг. указал на сочинения Н.Н. Страхова “Мир как целое” и “Три письма о спиритизме” как на источники романа, в частности в связи с названием поэмы Ивана и образом черта. Кроме того, в круге его работ о Достоевском и Страхове сделана попытка осмыслить значение философии Страхова для религиозно-философского смысла художественного мира Достоевского. В частности, он намечает ряд проблем, волновавших и философа и писателя.

Из круга работ по этой теме в публикации представлены три небольшие заметки: “Черт Ивана Карамазова и Н.Н. Страхов”, “Философия Ивана Карамазова и Страхов”, “Достоевский и Страхов”⁵. В этих заметках, а также в русском и немецкоязычном вариантах статьи “К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов – Достоевский – Ницше)”⁶ Чижевский обозначает принципиальную важность и для Достоевского и для Страхова мысли “о центральном положении человека в мире – в природе и в истории. Эта мысль – основа христианского мировоззрения. Страхов, поскольку он сознает, что пишет для неверующих или скептических читателей, обосновывает ее научно и философски; много в его аргументации взято из арсенала немецкого идеализма, недаром он был, и остался навсегда гегельянцем” [Чижевский 1936⁶, 37]. Именно с этой отправной точкой отсчета связан круг отсылок к работам Страхова в “Братьях Карамазовых” Достоевского. Чижевский указывает на связь идеи вечного повторения (известные слова черта “Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась...” [Достоевский 1976, 79]) со статьей Страхова “О жителях планет”. Ученый так комментирует использование Достоевским отсылки к идее, высказанной Страховым: “Достоевский вкладывает в уста черта Ивана Карамазова слова из этого учения только для того, чтобы показать, в какой тупик зашла мысль просветителя Ивана. Черт высказывает идеи просветительского мировоззрения, выводы, которые сам Иван не осмеливался развивать всерьез. В мире без Бога полное страданий существование человека оказывается бессмысленным, человек теряет свое достоинство, свое значение, свое центральное положение в мире. Чтобы выявить это основное настроение мировоззрения Ивана, Достоевский, вероятно, обращался к трудам своих ранних соратников и знатоков философии. А Страхов уже в 1860 году предвидел, что европейская философия придет к учению о вечном повторении...” [Чижевский 1933^a, 390].

С вопросом о центральном положении человека в мире связана проблема “высшего человека” (“то есть существа, которое было бы выше, чем человек”), которая мучит Ивана Карамазова в романе Достоевского. Чижевский пишет: “Достоевский хочет показать в образе Ивана (ранее ряд родственных мотивов уже возникал в “Преступлении и наказании”), к каким невыносимым следствиям можно прийти, если в пользу сверхчеловека отказываться от конкретных живых людей. Такую постановку вопроса мы находим еще раньше в статьях Страхова шестидесятых годов. Четче всего Страхов сформулировал свое отношение к проблеме “высшего человека” в статье о Фейербахе (1864, изданной в собрании статей Страхова “Борьба с Западом в нашей литературе”, т. II, Петербург, 1883, с. 78 и далее, и в “Философских очерках”, Петербург, 1895, с. 51 ([Страхов 1883; Страхов 1895]. – А.Т.)” [Чижевский 1933⁶, 391].

Достоевский использует для своих художественных целей философские разработки идей Страхова. Так, понятие “геологического переворота” возникает у него (по мысли Чижевского) именно с подачи Страхова: “В приведенной выше цитате из работы Страхова мы читали о возможном “геологическом перевороте” (Борьба с Западом, II, 105). Также и в другом месте у Страхова идет речь о “геологическом перевороте”: “Но представьте, говорят иногда, что теперь, завтра же произойдет геологический переворот; люди погибнут, и, по аналогии, вероятно, земля заселится новыми животными, высшими, нежели человек”...”. Далее у Страхова идет эпизод с профессором С.С. Куторгой, который высказался в том смысле, “что после нас на земле явятся люди с крыльями”. И далее Чижевский пишет: «Даже внешне этот “геологический переворот” напоминает “поэму” молодого Ивана.

Черт Ивана Карамазова (сущность черта, по Достоевскому, заключается в отрицании, а его функция в романе состоит в том, чтобы представлять негативные идеи Ивана, а значит и идеи просвещения); поскольку Иван является представителем высшей формы просвещения <...> Иван вспоминает о стихотворении (“поэмке”) “Геологический переворот”, которую он, по-видимому, написал в молодости. Ивана интересует не столько “геологический (и биологический) переворот” в буквальном смысле слова, сколько возможность “духовного переворота” (“параллель геологическому перевороту”). Сущность этого духовного переворота должна состоять в том, чтобы “человечество отрелось поголовно от Бога”, на котором держится “все прежнее мировоззрение... вся прежняя нравственность, и наступит все новое” <...> Когда исчезает идея Бога, возникает новый род человеческого (или, лучше сказать, “сверхчеловеческого”) существа: покажут люди теперь являются только “недоделанными пробными существами, созданными в насмешку” (это высказывание Достоевский в разговоре Ивана с Алешей ставит в кавычки, как будто это цитата, но цитата это из “Геологического переворота” Ивана, или же из статьи Страхова? Ср., например, “Мир” с. 15 и далее). <...> Этим новым людям “все позволено”. Они, хотя и не подобны ангелам (не крылаты), как сверхлюди профессора зоологии, описанного Страховым, но они еще выше, это человекобог... Свою поэму Иван вспоминает также и на суде» [Чижевский 1933^б, 393–394].

Достоевский, конечно, переосмысливает тему Страхова, переводя ее из биологической в собственно духовную систему координат. “Именно поэтому, – как пишет далее Чижевский, – тема “сверхчеловека” (это слово хорошо подходит к человекобогу Достоевского) имеет больше общего с постановкой вопроса у Ницше, чем с биологическими гипотезами Страхова” [Чижевский 1933^б, 394].

Тема спиритизма в последнем романе Достоевского тесно связана по наблюдениям Чижевского с темой “высшего человека” и “эвклидовского ума”. Так Иван рассуждает об “эвклидовском уме”, которому, вероятно, должен противопоставляться “неэвклидов”, с иными, чем наши, законами рассуждения. То, что Достоевский при этом думал о “неэвклидовой геометрии”, ясно из текста романа (V 3). Неэвклидова геометрия была тогда малоизвестна в России. Здесь мы не можем решить вопрос, откуда Достоевский узнал о неэвклидовой геометрии (Страхов упоминает Римана в статье 1890 года, “Мир” С. 575 и далее). Однако мы считаем, что здесь нашли отзвук идеи Страхова и его полемика с русскими спиритами (спириты также упоминаются в “Дневнике писателя” – 1876, I, III, IV, а также упоминаются чертом Ивана Карамазова). Один из тезисов русских спиритов заключался в том, что эвклидова геометрия охватывает только область эмпирической действительности. Страхов защищает априорный характер геометрии (в сочинении “О жителях планет” – 212 и далее, 265 и далее, и в ряде полемических статей, первые три из которых были изданы еще при жизни Достоевского, в 1876 году; они были перепечатаны в собрании статей Страхова “О вечных истинах”, Петербург, 1887; страницы 23–36 специально посвящены вопросу об априорном характере математики). Априорные законы геометрии действительны не только для нашего, но и для любого возможного мира (эта постановка вопроса, однако, не решает вопроса о неэвклидовой геометрии <...>). Для Страхова этот тезис снова становится характеристикой просветительского мировоззрения, которое приписывает геометрии и математике только эмпирическую действительность. А русские спириты стоят именно на почве просветительского мировоззрения. <...> Если Иван отказывается от центрального места человека в космосе и, таким образом, от единства природы, то он отказывается и от единства человеческой природы (что обозначает единство человеческого ума) и от единства идеального и чувственного мира. Достоевский, с христианской точки зрения, видит в этом отпадение от христианства, то есть от веры, от самого Бога... Не случайно этот отказ от сознания единства человеческого существа Ивана роднит его со Смердяковым...” [Чижевский 1933^б, 395–396].

Если мы пойдем вслед за Д.И. Чижевским и попробуем проанализировать сочинение Н.Н. Страхова “Три письма о спиритизме” (1876) как источник главы “Черт. Кошмар Ивана Федоровича” в последнем романе Достоевского, то мы увидим, насколько продуктивный путь исследования был намечен ученым.

Многие из тем писем о спиритизме оказались значимы для образа Ивана Карамазова. В главе “Черт. Кошмар Ивана Федоровича” тема Страхова возникает, возможно, уже в описании черта “вроде как бы приживальщика хорошего тона, скитающегося по добрым старым знакомым, которые принимают его за уживчивый складный характер, да еще и ввиду того, что все же порядочный человек, которого даже и при ком угодно можно посадить за стол, хотя, конечно, на скромное место. Такие приживальщики, складного характера джентльмены, умеющие порассказать, составить партию в карты и решительно не любящие никаких поручений, если их им навязывают, обыкновенно одиноки, или холостяки, или вдовцы...” [Достоевский 1976, 71]⁷.

Поддерживает эту гипотезу и тема спиритизма, возникающая следом за описанием персонажа. Черт развивает тезис Страхова, изложенный им во втором письме о спиритизме (о неприменимости законов тварного мира к миру сверхъестественному). И опять же вопрос о доказательствах оказывается неразрывно связан с вопросом о вере: “Притом же в вере никакие доказательства не помогают, особенно материальные. Фома поверил не потому, что увидел воскресшего Христа, а потому, что еще прежде желал верить. Вот, например, спириты... я их очень люблю... вообрази, они полагают, что полезны для веры, потому что им черти с того света рожки показывают. “Это, дескать, доказательство уже, так сказать, материальное, что есть тот свет”. Тот свет и материальные доказательства, ай-люли! И наконец, если доказан черт, то еще неизвестно, доказан ли Бог?” [Достоевский 1976, 71–72]. Тема математики тоже восходит к Страхову: “Тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения!” [Достоевский 1976, 73]. Отсылка к Льву Толстому – “Лев Толстой не сочинит” [Достоевский 1976, 74] – тоже указывает на контекст Страхова, который гордился дружбой с Толстым и часто про него рассказывал. Само рассуждение черта, как он простудился в неземном пространстве – “ведь это такой мороз” [Достоевский 1976, 74], пародирует перенесение спиритами законов тварного мира на мир сверхъестественный, что так возмущало Страхова и вызывало иронический отклик у Достоевского⁸.

Стержневая для образа Ивана тема ума оказывается одной из центральных в диалоге Ивана и черта: “Вот ты поминутно мне, что я глуп. Так и видно молодого человека. Друг мой, не в одном уме дело! <...> Ты вечно сердисься, тебе бы все только ума...” [Достоевский 1976, 77]. Это тоже тема диалога Страхова и Достоевского: о рационализме как пути познания, об уме как опоре в различении истинного и ложного. Черт приводит известное изречение Декарта, на котором строится его философия: «“Je pense donc je suis” (Я мыслю, следовательно, я существую), это я знаю наверно, остальное же все, что кругом меня, все эти миры, Бог и даже сам сатана – все это для меня не доказано, существует ли оно само по себе или есть только моя эманация, последовательное развитие моего я, существующего до времени и единолично... словом, я быстро прерываю, потому что ты, кажется, сейчас драться вскочишь» [Достоевский 1976, 77]. А именно Декарта очень ценил Страхов. Как пишет Долинин, «уже современники отметили с достаточным основанием, что из “всех учений, примиренных в гегельянстве”, Страхов ставит превыше всего учение Декарта. <...> Для Страхова *бытие* всегда является чем-то косным; по отношению к “субъекту”, к идее действительность пребывает в положении покорного раба. Человек, его разум – вот “центр и мера вселенной, во всем ее прошлом, настоящем и будущем” – так твердит он постоянно в своих работах» [Долинин 1989, 253]. Установка на субъект познания ярко проявилась в “Письмах о спиритизме” Страхова (особенно в акценте на познание сущности вещей с опорой на Платона). А Достоевский прекрасно видел опасности такой установки на субъективизм в познании. И в словах черта довел эту установку до логического предела: установка на ум ставит под сомнение существование мира и Бога (что в полной мере и осуществится в истории философии). В попытке защититься от черта, который давит на Ивана его же аргументами, герой кричит: “Ты сон и не существуешь!” на что получает чрезвычайно логичный ответ: “По азарту, с каким ты отвергаешь меня, – засмеялся джентльмен, – я убеждаюсь, что ты все-таки в меня веришь” [Достоевский 1976, 79].

Далее в словах черта возникает опять же страховская тема “вечного возвращения”, на которую указывает Чижевский. Ироническое замечание черта по поводу анекдота о

пасторе и блондинке – “природа-то, правда-то природы взяла свое!” – тоже может быть прочитано как полемическая реплика в контексте естественно-научных работ Страхова (в “Мире” человек рассматривается как центр целого с точки зрения естественно-научной, хотя, конечно, Страхов никогда не рассматривал человека только как явление биологического мира).

Присутствует, конечно, в тексте и полемика с Гегелем (а Страхов был гегельянцем): в частности, вопрос о необходимом “минусе”, без которого не будет плюса. «Каким-то там довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен “отрицать”, между тем я искренно добр и к отрицанию совсем не способен» [Достоевский 1976, 77]. Далее черт говорит: “Мы эту комедию понимаем: я, например, прямо и просто требую себе уничтожения. Нет, живи, говорят, потому что без тебя ничего не будет. Если бы на земле было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Без тебя не будет никаких происшествий, а надо, чтоб были происшествия. Вот и служу скрепя сердце, чтобы были происшествия, и творю неразумное по приказу” [Достоевский 1976, 77]. И в анекдоте черта об осанне (когда “здравый смысл” не дал черту ее пропеть): “Я ведь знаю, тут есть секрет, но секрет мне ни за что не хотят открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись в чем дело, рывкну “осанну”, и тотчас исчезнет необходимый минус и начнется в мире благоразумие, а с ним, разумеется, и конец всему <...> Нет, пока не открыт секрет, для меня существует две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, какая будет почище...” [Достоевский 1976, 82].

Затем в диалоге возникает тема “Геологического переворота” (проанализированная Д. Чижевским в контексте “Мира как целое” Страхова). И в завершении разговора с чертом Иван запускает в него стаканом воды (идет отсылка к известному эпизоду с чернильницей Лютера). От стука Алеши Иван приходит в себя: “Обе свечки почти догорели, стакан, который он только что бросил в своего гостя, стоял перед ним на столе, а на противоположном диване никого не было” [Достоевский 1976, 84]. Этот самый стакан на столе, пожалуй, последняя отсылка в рамках данной главы к “Письмам о спиритизме” Страхова. Именно на примере со стаканами с водой он демонстрировал в третьем письме априорность и незыблемость физических законов этого мира. И эта последняя отсылка, кроме всего прочего, указывает на тезис Страхова, принципиально важный и для Достоевского: утверждение незыблемости правды земного мира и законов природы. В художественном мире “Братьев Карамазовых” правда земная обретает глубоко позитивный религиозно-философский смысл [Тоичкина 2009].

В данной публикации, посвященной 120-летию со дня рождения Д.И. Чижевского, предлагаются три его заметки о Страхове и Достоевском. Они впервые публикуются в переводе на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Долинин 1989 – Долинин А.С. Достоевский и другие. Л., 1989.
Достоевская 1971 – Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971.
Достоевский 1976 – Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1976. Т. 15.
Достоевский 2004 – Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. М., 2004. Т. 14.
Захаров 2011 – Захаров В.Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–115.
Лазари 2004 – Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. М., 2004.
Сараскина 2011 – Сараскина Л.И. Достоевский. М., 2011.
Страхов 1883 – Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Книжка вторая. СПб., 1883.
Страхов 1895 – Страхов Н. Философские очерки. СПб., 1895.
Тоичкина 2009 – Тоичкина А.В. Религиозно-философский смысл образа природы в “Братьях Карамазовых” Достоевского // Достоевский и мировая культура. 2009. № 25. С. 313–323.
Тоичкина 2012 – Тоичкина А.В. Достоевский, Страхов, Ницше в “истории духа” Д.И. Чижевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. № 13 (2). С. 145–153.

- Туниманов 2013 – *Туниманов В.А.* Лабиринт сцеплений. СПб., 2013.
- Чижевский 1933^a – *Čyževskij D.* Literarische Lesefrüchte II: (10) Der Teufel Ivan Karamazovs und N.N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1933. X (¾). S. 388–390.
- Чижевский 1933^b – *Čyževskij D.* Literarische Lesefrüchte II: (11) Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1933. X (¾). S. 95–396.
- Чижевский 1936^a – *Čyževskij D.* Literarische Lesefrüchte IV: (37) Dostojevskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie XIII (1/2), 1936. XIII (1/2). S. 70–72.
- Чижевский 1936^b – *Чижевский Д.* К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов – Достоевский – Ницше) // Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А.Л. Бема, Ф.Н. Досукова и Н.О. Лосского. Прага, Т. 2, 1936. С. 37.
- Чижевский 1947 – *D. Tschizewskij Dostojevskij und Nietzsche.* Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. Kleine Schriften aus der Sammlung “Deus et anima”. 1. Schriftenreihe. 1947. Band 6.
- Чижевский 2007 – *Чижевский Д.И.* Гегель в России. СПб., 2007.
- Шаулов 2011 – *Шаулов С.С.* Н.Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов. Уфа, 2011.

Примечания

- ¹ См., например, исключительно негативную оценку Н.Н. Страхова в книге Л.И. Сараскиной [Сараскина 2011, 543–544, 546, 550–551].
- ² Так, С.С. Шаулов, который вроде бы пытается иначе взглянуть на тему отношений Страхова и Достоевского приходит к выводу, что “диалог Страхова с Достоевским не состоялся” [Шаулов 2011, 12]. Негативизм в оценках Страхова присущ и работам таких ученых, как В.Н. Захаров [Захаров 2011] и В.А. Туниманов [Туниманов 2013, 261–292]. Из известных мне работ другая точка зрения представлена польским исследователем Анджеем де Лазари в его книге “В кругу Федора Достоевского” [Лазари 2004]. В этой монографии он исследует как раз общий ряд философских ценностей, сложившийся в общении Достоевского, Страхова и Ап. Григорьева.
- ³ У нас об этом писал в свое время и А.С. Долинин в известной статье “Достоевский и Страхов” [Долинин 1989, 234–270].
- ⁴ Правда, в новом, 18-томном Полном собрании сочинений Достоевского, которое вышло под редакцией В.Н. Захарова, в реальном комментарии В.Е. Ветловской к “Братьям Карамазовым” сочинение Страхова “Мир как целое” упомянуто в ряду возможных источников названия поэмы Ивана “геологический переворот”. Комментарий рассматривает как источники выражения “геологический переворот” книгу Кювье о “геологических переворотах”: Discours sur les révolutions de la surface du globe, упоминаемую Герценом в “Былом и думах”, “Жизнь Иисуса” Э. Ренана и книгу Страхова “Мир как целое” [Достоевский 2004, 380–381]. Контекст эпохи, безусловно, указывает на содержательность темы “поэмки” Ивана Карамазова. В.Е. Ветловская, правда, не ссылается на работы Чижевского, который, видимо, первый указал на книгу Страхова как источник названия поэмы. И это дополнительно свидетельствует о том, насколько мало достоевсковедческие работы Чижевского известны отечественному литературоведению на сегодняшний день.
- ⁵ См. ряд работ *Чижевского*, посвященных Достоевскому и Страхову [Чижевский 1933^a; Чижевский 1933^b; Чижевский 1936^a; Чижевский 1936^b; Чижевский 1947].
- ⁶ Я писала об этом в моей статье “Достоевский, Страхов, Ницше в “истории духа” Д.И. Чижевского” [Тоичкина 2012].
- ⁷ Речь не идет о прототипе (как и в случае с Ракиным, для поэтики образа которого был использован эскиз О. Страхова – семинаристе [Туниманов 2013, 273]). Но отдельно взятые черты, часто упоминаемые современниками (складный характер, умение порассказать, холостяк, скитающийся по добрым старым знакомым), могли вполне быть взяты у Страхова. См. характеристику Страхова одного из современников (эту характеристику приводит в “Ответе Страхову” А.Г. Достоевская [Достоевская 1971, 405]). См. также реплики Ивана черту: “...не философствуй, как в прошлый раз. Если не можешь убраться, то ври что-нибудь веселое. Сплетничай, ведь ты приживальщик, так сплетничай” [Достоевский 1976, 72]; “Не философствуй, осел!” [Достоевский 1976, 76]; “Опять в философию въехал!” [Достоевский 1976, 76].
- ⁸ “...Ведь это миллиард лет ходу? – Даже гораздо больше, вот только нет карандашика и бумажки, а то бы рассчитать можно” [Достоевский 1976, 79]. “А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд – и это по часам, по часам (хотя часы его, по-моему, давно должны были бы разложиться на составные элементы у него в кармане дорогой)...” [Достоевский 1976, 79].